

Михаил Квадратов

Тени брошенных вещей

Серия «Мантры нефритового
кролика»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 82-1
ББК 84-5
К32

Квадратов Михаил
К32 Тени брошенных вещей : Серия «Мантры нефритового кролика». — [б. м.] : Издательские решения, 2016. — 104 с. — ISBN 978-5-4474-4614-7

«Тени брошенных вещей» — третья книга стихотворений московского поэта и прозаика Михаила Квадратова. Книга вышла спустя десять лет после появления второго поэтического сборника.

УДК 82-1
ББК 84-5

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4474-4614-7

© Михаил Квадратов, 2016

**действительности
не было и нет**

— открывай, полиция, кто там в доме
— кто в доме, кто в доме — в доме гномы
есть какие-то ещё, но мы не знакомы
вот же, сволочи, приходят среди ночи
барабан заклеен противотабачным скотчем
костяные дудки из съеденных животных
в основном скелеты, но несколько плотных
палки, верёвки, пелерины на вате
— нет, не откроем — давайте, поджигайте

кому тут нянчиться с тобою
здесь небо борется с землёю
и посредине всей фигни
похрустывают дни твои
так фээушник недалёкой
среди нелепого урока
тихонько в маленьких тисках
сжимает майского жука

году примерно в семьдесят втором
стояла яркая грибная осень
с соседями отправились искать грибы
на пригородном из пяти вагонов
в восьмом часу до станции бугрыш
когда приехали — увидели толпу;
неподалёку местный почтальон
кричал, что скорый барнаульский сбил кентавра
его разрезало могучим тепловозом;
сейчас, старик циничный, я б съязвил:
вот, кто-то выдумал поправить демиурга
и разделил-таки животное и человежье
(но как-то всё у вас неаккуратно)
в ту осень, будучи ребёнком, я заметил
что кровь кентавра красная как наша
и было страшно
и взрослые испуганно шептались
и через слёзы ольга львовна объясняла
что это знак отчаянно плохой
(к войне, наверное)

Вот и дятла — ласточку Ареса
рано утром понесли из леса...
Отче, Отче, что же ты — проснись,
слышишь: время утекает ввысь.

Поздно думать — сметь или не сметь:
будет тонко ненависть звенеть
в светлых залах, сумрачных прихожих.
Скоро смерть запросится под кожу,

спрячется в подрёберной пещерке,
станет таять острым леденцом —
просто вышел срок... Душе пора за дверку,
за пальто, за окна, за крыльцо;

ночью занесёт её на переправу,
беженку, черницу, юнге фрау,
вот душа разделится с тобой...
Ловкою монтажною иглой

некий господин продёрнет нить
между берегом другим и этим —
будет чуткой уточкой скользить
по озёрам серым на другом рассвете.

Ближе к обеду над остановкой летела собака —
Собака себе и собака, но любая собака двояка:
Для тех, кто глядит с остановки — она непристойна,
преступна —
Горды вымена, остальное, природа её целокупна,
И всё это оттого, что внизу у неё мало меха.
Но собака прилична глазу Того, Кто Всегда Смотрит
Сверху.

где-то в мире
в цокольной квартире
почти сосед условный инвалид
нечасто спит и по ночам глядит
глядит наружу из подземных окон
вверху искрится чёрный волчий кокон
со временем он понимает — это знак
и всё не так

он тих он медленно выходит
идёт искать
в его надписанном фланелевом мешке
латунный молоток игольный циркуль
коробка мела
в углу он видит белую собаку
корзину и пчелу
он замечает дикие народы
его никто не ждёт
он бесполезен для любых людей
ну, может, путает, чего уж —
вон весело гудят пружины и разъёмы
и мир показывает чудные картинки
но как-то так всё...

...а по дороге из солнцево в одинцово
он случайно находит искомое слово
произносит смеётся
не помнит снова

рядовой водопьянов

рядовой водопьянов попал в чей-то каменный сон и спит
в этом каменном сне чернокамень толчёт, уминает мел
рядом камень суровый гранит поедает камень агат
водопьянов сопит — он не очень сюда и хотел
водопьянов не то, что кому-то, чему-то не рад —
просто ему всё равно — кто здесь о чём говорит —
скучает во сне солдат

человек идёт за аперитивом и дижестивом
возвращается с мороза, запирает за собой четыре замка
смерть за ним не успевает — недостаточно суетлива
плохо ещё подготовлена, валенки скользят, шуба велика

смерть подходит к окну — окна низки в намеченном доме
трогает зачем-то стекло, лижет решётку, целует термометр
ей не больно лизать на морозе — язык у неё шерстяной,
костяной
ну а ты, дурачок, всё равно будешь мой, будешь мой

нет друзей на земле у жильца кристаллических сфер
только может быть тот, иванов, говорили — из бывших,
потерявшийся пенсионер
он сидит у ручья, что дымится и льётся из чрева горячего
теплоэлектроцентрали
там невольники стройки и рынка с утра моют тело,
полощут бельё, размягчают сандалии

а приятель второй — на коне-альбиносе куда-то летит,
некрылатый
выше самой высокой трубы за заборами тэц-двадцать
пятой
третий — в светлой пещерке невидимый друг
зверь-бурундук

Дом пропал, закончен карнавал,
Дымно, разноцветный воздух вышел.
Мумии чужие сушатся на крыше –
Ране ангел летний ночевал.

Ах, зачем терпеть неблагодать –
Мы бы этот дом давно продали,
Да у нас Орфей сидит в подвале
И никак не хочет вылезать.

ДЛЯ ТМ

тихие песни фавна
на чердаке медленный цокот копыт
плакала николавна
может быть страшно, может чего-то болит
чашку живой воды на чайник, столько же мёртвой
холодно, в городе враг, может быть кто-то ещё
не закрывай глаза, ящерица из торта
выпрыгнет на плечо

Всех зима заманит и убьёт.
К вечеру замёрз тритон в фонтане
вместе с мотыльком, листьями и цветами.
Улетела птица-кривоглот.

Все ушли. Но, втянут пустотой,
по дорожке в привокзальном парке
мчится, мчится оборотень жаркий
в белой шубке с искрой золотой.

зима — и целый день глядеть в окошко;
и рацию в сиреневых сапожках

бежит, как водится, в подпольный лазарет
по шаткой лестнице, гляди — сорвётся — нет!

он жмурится, он лечится от чисел,
и кто-то розовый толчёт лечебный бисер,

закручивает вечную спираль —
бедняк визжит, но мне его не жаль.

я в даль гляжу — а там на троттуаре
навязчивый мороз — в искристом пеньюаре

согражданам грозитя льдом и леденцами,
над ухом клацает железными щипцами,

кусается, скрипит, целует в тёплый лоб
и машет мне рукой (проклятый термофоб)

За стеклом чужие лица,
Но шипит и веселится
Земляничный газ
В комнате у нас.

Будто шепчет: помечтаем,
Чем утешимся за краем,
Но не на земле —
Там, в стране Ойле.

Наша избушка тут рядом —
К лесу передом, к лесу задом.
Сборщики волчьих ягод
К вечеру выйдут из леса, на лавки лягут:
Не до глупостей — до утра отдыхают.
Длится в любимом глинистом крае
Битва за урожай.
Тоже давай.

Хрустальные сферы крошатся, исчезают;
Особенно третья, пятая и седьмая.
С неба летит таинственное стекло:
Вчера увернулись — вроде опять повезло.

Ещё отчего-то земная ось подгнивает —
За теплотрассой у брошенного сарая
Вбок торчит столбнячным ржавым гвоздём.
Нынче точно туда гулять не пойдём.

среди разлапистой науки
резвится дервиш леворукий
пружиной скрутится — заводится курок
натравят дворника — кидается без ног
без рук без головы по шаткому мосту
и улетает в пустоту

Паша Ангелина

Паша Ангелина
Летала на велике.
Малиновый шарфик по ветру,
Мелькают гетры.
Напевает, весёлая,
Над лесами и сёлами.

Ах, Паша, Паша,
У нас здесь страшно,
Не приземляйся, не надо.

Не слушала Паша,
Вернулась. Обидели, гады.

лопнул стакан голубого стекла
воют осколки над головую
веточкой чайной, мёртвой пчелою
в небе запутался аэроплан

эй, авиатор, это — война
бьются мои флора и фауна
за каланчовкой — чёрная рана
фанни каплан воскрешена!

вьются тучи бьётся пыль
мчится реанимобиль
по заезженному полю
злое сердце прокололи
наши добрые слова
сам виноват

ну, кому какое дело —
сердце бедное болело
ни проверить, ни помочь —
после наступила ночь —
поутру они проснулись —
со двора пришёл анубис
настоящий полупёс
сердце глупое унёс

дурачок болеет старенький
умолкает, опять напевает, тихо тает
пчёлы, бабочки слетаются
старый путает цвета, смешно называет
(помнишь, были его пальцы стальные
близко горло твоё – потом ещё ближе)
стали пальчики теперь карамельные
смерть облизет

по вечерам сосед
реанимирует кларнет

он трогает мундштук и трость испытывает тоже
он знает, как смирять подобное похожим

нацелится — хвощом скребёт бамбук
губами пробует, готовит верный звук

ему звучать в оркестре похоронного отдела
мол, жизнь вертелась под ногами, отлетела

а тело, наконец, нашло приют
и глину почве предают

не успеваешь проглотить лекарство —
ломается и мнётся потолок
по штукатурке трещинами пишут
о чём — того уже не видно
ещё не чёрный шум
но треск и слышишь
как дышит ил в аквариумной банке
и по доске идёт-качается бычок

у медсестрицы крючковаты пальцы
на пальцах два кольца, украшенные мёртвою смолою
такие здесь не очень-то и к месту, и лак неравномерен
на ногтях
а цвет приятный, мягкий, что за цвет, как называется
такой — не вспомнит
но вспомнит шприц
игла рвёт кожу, но чуть-чуть, не больно
кристаллы камфоры, распущенные в персиковом масле
уже под кожу (внимательно: не задевать сосуды)
ну вот, тепло, ещё теплее, горячо
похоже — будет жить

Больной измотан, изнемог,
его астральный колобок
летит по чёрному эфиру,
блуждает по задворкам мира.

Неподтверждённый персонаж
следит нелепый пилотаж —
завязнет в призрачном болотце?
заблудится? домой вернётся?

Эх, болезный, сколько не видел ты света белого,
провалился в чужой колыбели одиннадцать лет.
А уж там оттянулись — пить его давай, есть его;
выжил, однако, — толку от него, дуралея, нет.
Подарили тогда страховку, обратный билет
и наколку слева — делали, как могли —
Сологуб с еловым посохом
бредёт, типа, посуху
из-под земли.

и ближе к полднику, когда сиделки глухи
ползёт на стену заяц солнцелбрюхий
не подходи, не стой к нему спиной
вонзит в висок мизинец слюдяной
неумолимый, лёгкий, узловатый

любезные коллеги из палаты
призвали то ли бога, то ли медсестру
ну вот, сегодня, видно, не умру

болван бормочет поутру
несёт заветную игру
комплекты символов и знаков
любой набор неодинаков
любой набор чего-то значит
тяни обрывки наудачу
сегодня вытянули тьму
звони курьеру своему

ах какой у нас был фикус в так называемой кадке
а теперь он сука прячется от всех в лесопосадке
насовсем поселился за совиным деревом
но ведь мы ему точно ничего не сделали
почти не донимали разговорами о стихотворениях
белых чёрных разноцветных и сиреневых
практически не заставляли никем восхищаться
ну за что же он так с нами (братцы)

действительности не было и нет
следи число пророчеств и примет
когда отыщутся тринадцать с половиной
придёт повестка почтой муравьиной

заставят сторожить секретный сад
где яблоки латиницей горчат
счастливая судьба – трещотка и двустволка
и ереси классического толка

подземный зоосад

Бедный, бедный Ваня
В холодной могилке.
Нет ему счастья.
Маша теперь с другим.
Маша лежит – счастливо вздыхает:
Съел её сердце
Красавец с триста четвёртого места,
Пятый участок.

У нас в подъезде всё теперь совсем, как у людей.
На лестнице сошлись с утра злодей и добродей.
Зовут соседи докторов, судью и караул.
Я утром встал, потом поел, потом опять уснул.

И вот меня в четвёртый раз за стенкой будит крик.
Я раньше был готов к борьбе, затем почти привык.
Терпи, терпи! У них таков был изначальный план:
На чердаке парит Ормузд, в подвале — Ариман.

Василий полуволокком смрадным и ужасным
Всю ночь по сумрачным парадным шастал.

Но только утро осветило благодатный град –
Он деловит и свеж, его зовут Кондрат,
Весь день сидит, скрипит пером, ворочает словами
И от усердья шевелит губами.

Какой позор, какой провал в блистательной судьбе...
Василий этого не знает о себе.

Кровохлёб-трава стоит одна
на газоне каменном зелёном;
крашеным питательным бульоном
туго наливается луна.

За окошком тьякает волчок,
кашляет за стенкой морячок.
Ну, давай, давай, волчок, поплачем
о нелепой доле вурдалачьей.

мамлакат

мамлакат собирает живительный хлопок с семи до семи
после семи мамлакат — на химической свадьбе — подруга
невесты — на небесах —
титрует, нитрует, греет, укачивает на весах
хлопок, который приносит с бескрайних полей пушинками
в волосах
так, по чуть-чуть, рождается влажный пироксилин —
наш господин

вот мамлакат заходит в огромный мраморный зал,
на мамлакат золотой семислойный халат
на халате сверкает хрустальный орден, с него ухмыляется
некий гад:
он видит — в огромном мраморном зале
на бриллиантовых лавках сидят
его боевые друзья: едят. тот, что на ордене, рад —
он их узнал

у мамлакат под халатом заряд —
будет вам город-ад

Бертоллет

Случайно оживив по памяти набросок,
Сколачивали мир из разноцветных досок
И, снова, солнце поместив на антресоль,
Расплёскивали воду и дробили соль,
Расплёскивались и дробились сами,
Зачем-то пришивали над лесами
Дневное небо из растрёпанных полос,
Но умер Бертоллет, и вскоре началос(ь)...

поднебесный пилот

поднебесный пилот
над скалою в хрустящей кабине
напевает псалмы и блестящим ботинком педальку
 пружинную жмёт
продолжает полёт
но гляди глубоко глубоко на равнине
полуночным меркурием точкой в твоей изумрудной
 прицельной трубе
голоногий гермес с топором под горою
он не верит тебе
но видимо верен другому герою

ночью лопнет реторта
надо ж порезал палец
толстый неловкий братец
братка бартоломеус

жарко зажжётся сердце
сердце теперь из серы
руки налиты ртутью
ноги набиты солью

вот ведь теперь на четверть
ты философский камень
сам себе строгий отец
сам себе жизнь и смерть

приблизительно так
однажды приходит
вечность

алхимическое

элементарный рабочий
кепка из дермантина
к кепке приклеены скотчем
ключики валентина
знак соломона в металле

утром стреляли солдаты
но не попали
вот ведь скотина — куда там
резали ирокезы
в парке и сквере
нет и им не зарезать
только в три в англетере
добили гуроны

рыдал комиссар обороны
плакал товарищ че
плакал товарищ тро
рыдали агенты в метро
и вообще

Когда неумолимы и упорны
На небе запоют чугунные валторны,
Когда усердные ночные сторожа
Начнут метать мешки с шестого этажа,
Когда соседи вызовут любезных за тобою,
Под полом захрустит, завоюет за стеною
И квартиранты юные забудут в ванной ртуть –
Поспи, поспи, и выпить не забудь.

ОН

тропы черны небо сине
на двенадцатой версте
он повешен на осине
да лабаёт степь да степь
на колёсном клавесине
пальцы цепки на хвосте

бешеный колобок

бешеный колобок
лешего поволок
ел его за кустом
нервным порванным ртом
впрок оставил кусок
на потом

Когда научишься читать —
Не засыпай, листай секретную тетрадь —
Разгадывай слова, лети на бал к Мальвине,
Там карлики Тимур и Фёдор в формалине,
У каждого в груди Амурова стрела.
А всё бессонница, ненужные дела,
Нелепая судьба, негодная погода
И чьи-то дневники 12-го года.

его хранит
мерцающий магнит
и часто охраняет бог нестрогий
задумчиво бредущий по дороге

а он плясун
пропивший afternoon

его пигмеи утром гонят крокодила
за ними удивительная сила
его связные — логос и гундос

а он небрит и бос

Светает

Начни с меня:

Смени закаты на рассветы —

Я стану первою приметой

Начала дня —

В конце пути...

Так по весне на кровли дома

Выводят эльфы пленных гномов,

Велят: лети.

Белладонна

Скучно, скучно в новом доме
Домовым.
Разгоняют белладонну,
Прячут дым.
Если fuga не поётся,
И не лень —
Вышивают вашим солнцем
Серый день.

Гностическое

У нас зима, собака лижет лёд,
природа умерла, душа опять поёт,
почтенный альбигоец выдувает дым,
натужится и машет флагом шерстяным.

отчего моя собака лает
ведь не лает так собака выросшая в стае
это просто глупая домашняя собака
сердится на улице на первый встречный запах
погуляли и назад подходим к дому
радуется жучка запаху второму
как собака рада мы к еде успели
толстая собака что живёт в постели

cave canem

*«я то что я ем
соцветием
cave diem»*

К. Л.

хренли дни хватаем
поиграли с трамваем
в лосином перелеске
апельсином на леске
голова анубиса
всё смотрел в небеса
но подумал съем
тот кто глух и нем
cave canem

не спи, красавица, не спи, не притворяйся спящей
наверх поглядывай, следи за грифелем скрипящим
где день безвидный был — взамен рисуют целый мир
и будут нам двойной обед и розовый пломбир
счастливые слова, приветливые лица
и каждый праздник, несомненно, наш

но демиурга твёрдый карандаш
примерно в этом месте рвёт страницу

классический беглец, небыстрый, недалёкий
в конце главы найдётся где-то на востоке
пока живой — глядит во все глаза
селянки, склянки, лесополоса

движенье мелкое, обёртки от конфет
кружатся на ветру, на башнях рвутся флаги
из праздничных газет, из траурной бумаги
а счастья и здесь, похоже, нет

вот только хороша туземная весна
однако, говорят, весенние цветы на четверть ядовиты
он счастлив — капает последняя слюна
страница мокнет, меркнут знаки алфавита

Пионерам бьют отбой.
Объявляет звеньевой
сарабанду — белый танец.
Вот Она идёт ко мне:
в лёгкой сумке на ремне —
похоронный барабанец.

позови меня на родину кротов
старый пионер всегда готов
там укроют темнотою
злое прошлое отмоют
стану лучше и смелее
на пригорке у реки
где лежат в хрустальном мавзолее
мёртвые бойцы меньшевики

гудят рассветы над золой
там поварёнок удалой
гоняет несъедобных тварей
а остальных берёт и варит
и из обглодышей несложных
меланхолический художник
других ваяет много лет
но не угадывает цвет

Когда из города уходит
супрематист чернил и праха,
гудит пустая черепаха,
послушна ветру и погоде,
в песке, осоке.

Ещё на деревянном сарае
кивает жаба икряная.

Но прочим пофиг.

Если вдруг из орфэпов —
Прекращай нелепый труд:
Братья Слепов и Свирепов
Ноосферу стерегут.
Напугают громким лаем
В кабинетной пустоте,
Наболтают, как бывает, как мучителен бывает
Ломкий скальпель в животе

для Л.Н.

О, Господи, уйми подземный зоосад,
Где ледяные пузыри застряли и висят.

Ещё животное Мицелий усмири,
Что белое снаружи, чёрное внутри.

Прислушайся: скрипит его хитин —
Тебя затащит вглубь, когда в лесу один.

Всегда внимательный, всегда невдалеке —
По пульсу выследит, потянется к руке

Над тёплым гумусом холодным языком,
По виду сыроежкой иль боровиком.

Я в детстве видел сатанинский гриб:
Но рвать его не стал — и не погиб.

Писатель, ровно обстрогав,
волшебный карандаш слюнит.
Рисует дом. Описывает быт.
Придумывает нож. Придумывает шкаф –
распахивает дверцу верною рукой,
и персонаж, неведомо какой,
его оттуда ножиком разит.
Всё кончено.

внезапный приступ памяти

соседке
выдали букварь забыванья
она старалась
уже не помнит что Наша Маша мала
что Норы сыры
за год прошла почти все слова
забывает буквы
ну да

ангел парамон

ангел ангел парамон
поселковый мальчик
ангел видит вещий сон
что с ним будет дальше
под артековский напев
октябрёнком робким
унесёт паншерский лев
в цинковой коробке
или выстрелит в живот
бывший участковый
или может доживёт
до всего плохого

дитя, досадуя, топтало
старинную конфетную жестянку
жестокое — что для него чужая память
на крышечке теперь не разобрать —
был в верхней трети нарисован ангел
внизу — собачки, берта и гаруда
застава, трюфельный завод
народ и воля

ночами пожилой подросток
скребётся в чёрное стекло
передающего прибора
ага мелькнуло всё готово
окно каретка цукенголд
— ну бабушка я всё доел
во сколько можно погулять —
но зависают сообщенья

КОТОВИНЫ

михаил евгеньевич не боится быть вечером дома,
не боится, что его запутают мешковиною
и под пол затащат в каменную спальню гномы —
ведь он дома не один, а со своими котовинами —
котовины и не таких недотыкомок брали,
и он кормит их, чтобы они всегда это делали,
и поэтому ходит озвучивать разных демонов
за разумные деньги в кукольном спектакле

розовое яблоко упало
закатилось тихо под лавочку морвокзала
сквозняком понесло потом фруктовый скелетик
но где-то лет через двадцать, видимо, этим летом
а меня с того вокзала возили
пассажирские поезда, подержанные автомобили
скоростные трамваи (собака) самолёты резервных
отрядов
теплоходы практически нет, и не надо

в неуказанной стране
на заснеженной стерне
тихо ропщут зверокошки
и на кухнях понемножку
бродят призраки борщей
тени брошенных вещей
вяло ноют под скамьёю
смысла ищем всей семьёю
жжётся правильный глагол
я искал, но не нашёл

может, здесь скребутся бесы
за каким-то интересом
— что такое, кто такой?
это ветер над рекой
воет, веет, веселится
гладит пальцы, кольца, лица
у посёлка тыловой
пристань чёрная дымится
— ты откуда, человек?
— мама, родина, артек
нет возврата никуда
только лёгкая вода
льётся с севера сюда
шелестит по красной глине
видно, мы с тобой на льдине
уплываем навсегда

Нелепа и бессмысленна вода,
Когда четыре огонька горят в едином теле:
Они измучились, друг другу надоели,
И так всегда.

Как будто снится некий общий друг —
Горит себе карбидом в мёрзлой луже —
Он умер, он напился, он простужен,
Не оторвёт примёрзших рук.

Эти убили его стори-билдера, его стори-теллера.
Он сидит в шалаше в лесопарке, наверное, где-то
на севере,
На него навалился последний тяжкий сюжет,
Да и сюжета, пожалуй, теперь уже нет.

Вот он радирует: «Дайте мне новую вводную,
Кеды промокли, куртка пропала, погода негодная».
Ему же в ответ играет радио «Вольная Чеганда»
Из-подо льда.

Шепчет: «Ну как же не хочется волоком, волоком.
Вот бы погреться, пока не пришли сюда эти, со щёлоком,
Штатные переводчики на языки мертвецов.
И вообще я как-то не очень готов».

Он до сих пор не поймёт, снимать или нет наблюдение,
Всё или нет в этом мире — небесное пение.
Снова бормочет: «Приём, раз, два, три, приём».
Завтра его позывной такой же — Велес-Анубис-Ом.

для _b0c0u287_

всего довольно на просторе
и стебли полбы, и столбы
и то, что побивает лбы
в неосвещённом коридоре
и то, что топит в диком море
нерукотворные гробы

пассажиры, багажные звери и моряки
вам мигают зелёные донные огоньки
это зыбкие рыбы светят глазами со дна
пельматохромис крибензис, его молодая жена
им бы туда, где кивают портреты на стенах кают
с ними просились соседи, но ходу наверх не дают
там насос паровой и рупоры верхней плавучей земли
там поют, но морские на баржу попасть не смогли
плачут дети холодной подводной страны
говорят — никому не нужны

Ихтиомантия (гадание по рыбам)

Я пленная оранжевая рыба
Без чешуи.
Паршивому коту скормить давно могли бы —
Да всё твои

Гаданья по моим ночным повадкам,
По цвету глаз.
Опять гадала, и опять разгадка
Не назвалась.

Не назвалась — и прочь, пльиви — свобода.
Ни там, ни тут.
Стоит невероятная погода.
Подземный пруд.

Придумали, что ручкой на листах бумажных
мы будем что-то в домике за городом писать.
У озера такая благодать,
и многое неважно.

Здесь поутру рыбак из просветленных
швыряет в озеро зеркальные шары,
готовит сладкий вар для сумеречных рыб
и жарко дышит на личинок пленных —

железом ранит их и тоже вдаль бросает.
Они висят — ни живы, ни мертвы
среди утопленной травы.
Вот здесь мы поселились где-то в мае,

но нас теперь уж нет, мы не того хотели —
гляди: на дне деревья, а на небе дым,
и шевелятся клейстером живым
неназванные рукописи в съеденном портфеле.

Мыльным пивом юность выдохлась,
столик липок, карлики задули свет.
Только заманили — приглашают к выходу,
выхода нет.

Что ж это такое — колдовство унылое,
спиздили надкусанный пирожок.
Как-то жизнь по трубочке хлорвиниловой
вытекает вбок.

скажи, дядя саша, что же будет, скажи
гляди — небо опять крошится, сыплется за гаражи
опять сверху пикируют радужные стружки
в контейнере сидят неведомы игрушки
моргают, корчатся, свистят i luv u
старушки причитают, закрыли окошки
дворник выметает небесные крошки
(ему всё по хую)

дядя, приглядиись, на шууданской марке
наш ненастоящий персонаж
гонит перелётный экипаж,
притворяется, что нам везёт подарки:
шкварки, колбасу без соли, профитроли;
но попал в плохую полосу –
и его свирепый маугли заколет
понарошку в сумрачном лесу

Алёша выписал большую проститутку
с утра забросил труд и упражненья
бледнеет, вожделеет и сопит
ну, как же, как же, как же, как же будет
сопит, но не показывает виду, что боится
не унывай, крепись, мой друг, крепись
ведь жизнь потом ещё не то покажет

вот, например, всю ночь гудит под полом
пустой подземный госпитальный вал
и там Алёша тоже не бывал

ненужные и нежные нетопыри
летят на юг
какое там прощанье, и не говори
любезный друг

простуженный октябрь шагает по стране
плохой ходок
в тяжёлых сапогах, расколотом пенсне
он одинок

он к вечеру дойдёт, найдёт себе приют
в гостях зимы
они нас помнят там, они почти не пьют
и мы, и мы

неугомонный старик
серой щекою чует бороздки на деревянном прикладе
сколько пропилов — столько когда-то попал
выстрел удачный — отметина, выстрел — отметина
ночью лежит вспоминает похоже
ближе к утру каждую трогает скрюченным пальцем
вон вон до тех дотянулся сухим языком
эту украдкой целует
но слаб...
раньше ножом прорубал древесину под лаком легко
аккуратно
быстро под нужным углом в два приёма
а вот последнюю ногтем старался проделать
скрёб задыхался целую ночь — не процарапал —
не видно отметину...
ствол всё равно уверенно смотрит
в завтрашний мир

по люберецкому рынку
бродит дедушка-негодяй
носит живые картинки
(там есть про меня и тебя)
и карточку неживую
(в ней тоже чего-то про нас)
мусолит их тасует
да и уронит в грязь

Утро жмурится и курит;
в коммунальном абажуре
золотые фонари.
Кости тёплые внутри.

Задушили белым флагом,
уходили лёгким шагом
по паркету в пустоту.
Видно, приняли за эту...
Или ту.

Аня тянет жизни провод,
Спать ложится в полвторого –
Длится проволока сна,
К ней судьба приплетена.

Утром Ане примотали
Крайне важные детали,
Очень нужные дела.
Дальше пошла.

онегин — гений фильма тайной
опять всю ночь в случайной чайной
танцует пьяный кек-уок
не разгибая рук и ног

и в том же доме в том же зале
хотя его почти не звали
опять досадует гомер —
певец гетер весов и мер

а нам с тобой моя услада
здесь ничего уже не надо
и всё до фени — мы в углу
уснули мирно на полу

ну, зачем, зачем тебе она
она нежна, но к тебе же изнаночна
и она ведь любит этого доктора
у него позднеримский шрам от топора
веселятся его разноцветные глаза
он смотрящий от улетающих к небесам
он эрото-, танато-, -лог и ещё чего-то там
...да, говорят, она и без него не одна

вдоль дороги навороченной
от любви до окаянства
расползаются верёвочки
безнадёжного пространства
и одной секретной рощицей
доползёшь до середины
поглядеть как время крошится
на весёлые пружины

Время даст лечебных штучек,
время спрячет за стеной,
но сперва тебя помучит
колокольчик костяной.

Он радирует такое
на запретной частоте,
что любовный бронепоезд
разорвётся в животе.

А любовные солдаты —
заводные сапоги —
вынесут тебе мозги.
Но они не виноваты.

роет роет ветер дыры в стекловате
иглами стеклянными тихо шелестя
где-то где-то в мире в сумеречном чате
плачет гнилогрудое дитя

— пишут ты скончался старый нетверёзый
дальний собеседник злобный немонах
я тебя боялась в потаённых грёзах
целовала в сладких нездоровых снах

— ты не плачь не бейся горлица-голуба
скоро всё начнётся я найду тебя
мы герои ранних писем сологуба
просто по-другому нам нельзя

спорщица

спорщица —
я идиот
морщится —
пятый пролёт
крестится
левой рукой
лестница
вечный покой

Испанское

На рождество найдут меня
В канаве у злой таверны.
Я был негодяй и жил, как свинья,
И я, конечно, не первый.
Сбегутся со всей Сааведры
Карлики и сколопендры,
Душу поделят чёрным мелом —
Вместо души теперь пустота —
С ними четыре чёрных кота
И пятый — тоже не белый.

Только зачем-то свечку жжёт,
Роняя слезинки в подушку
(Красиво, в рифму, но это не в счёт)
Одна слепая пастушка.
Сбегутся со всей Сааведры
Карлики и сколопендры,
Душу поделят чёрным мелом —
Вместо души теперь пустота —
С ними четыре чёрных кота,
Но пятый — всё-таки белый.

возраст

всё вокруг теперь мне мило
только вот боюсь пока
крика лунного жука
да лихих геронтофилов

приращения смысла
и эстетической важности
не видит наградная комиссия –
председатель строчит карандашиком
результаты проверки:
дескать, время бессмысленно тратили
до войны две сестры-акушерки
и братья-копатели

«Сгущалась осень...»

Сгущалась осень. Близорукий сторож товарищества старых садоводов сидел на воздухе. У ног горел костёр, большая золотая саламандра лежала меж поленьев и дремала. Стихийные жильцы всегда при деле. В походном котелке варилась, булькала вода из ручейка. Туда попала нимфия случайно – сердито фыркала; однако, ей кипячение ущербом не грозит – стремительным клубочком пара всегда сумеет вовремя уплыть по воздуху обратно в водоём. Но сторож фырканья не слышал – его внезапный приступ памяти сразил. Бывает, мышеловкой прижимной прихватит пальцы третий и второй неловкому охотнику за мышью. Так с памятью. Но память не отбросишь подальше от себя как мышеловку. Коварная вцепилась – не отпустит. И сторож пойманный сидел, глядел в огонь. Что помнилось ему – уж не узнать: восставшие сожгли сторожку.

Оглавление

действительности не было и нет	3
« — открывай, полиция, кто там в доме...»	5
«кому тут нянчиться с тобою...»	6
«году примерно в семьдесят втором...»	7
«Вот и дятла — ласточку Ареса...»	8
«Ближе к обеду над остановкой летела собака ...»	9
«где-то в мире...»	10
рядовой водопьянов	11
«человек идёт за аперитивом и дижестивом...»	12
«нет друзей на земле у жильца кристаллических сфер...»	13
«Дом пропал, закончен карнавал...»	14
для тм	15
«Всех зима заманит и убьёт...»	16
«зима — и целый день глядеть в окошко...»	17
«За стеклом чужие лица...»	18
«Наша избушка тут рядом ...»	19
«Хрустальные сферы крошатся, исчезают...»	20
«среди разлапистой науки...»	21
Паша Ангелина	22
«лопнул стакан голубого стекла...»	23
«вьются тучи бьётся пыль...»	24
«ну, кому какое дело ...»	25
«дурачок болеет старенький...»	26
«по вечерам сосед...»	27
«не успеваешь проглотить лекарство ...»	28
«у медсестрицы крючковаты пальцы...»	29
«Больной измотан, изнемог...»	30
«Эх, болезный, сколько не видел ты света белого...»	31
«и ближе к полднику, когда сиделки глухи...»	32
«болван бормочет поутру...»	33
«ах какой у нас был фикус в так называемой кадке...»	34

«действительности не было и нет...»	35
подземный зоосад	37
«Бедный, бедный Ваня...»	39
«У нас в подъезде всё теперь совсем, как у людей...»	40
«Василий полуволок смятым и ужасным...»	41
«Кровохлёб-трава стоит одна...»	42
мамлакат	43
Бертоллет	44
поднебесный пилот	45
«ночью лопнет реторта...»	46
алхимическое	47
«Когда неумолимы и упорны...»	48
он	49
бешеный колобок	50
«Когда научишься читать ...»	51
«его хранит...»	52
Светает	53
Белладонна	54
Гностическое	55
«отчего моя собака лает...»	56
save сапет	57
«не спи, красавица, не спи, не притворяйся спящей...»	58
«классический беглец, небыстрый, недалёкий...»	59
«Пионерам бьют отбой...»	60
«позови меня на родину кротов...»	61
«гудят рассветы над золой...»	62
«Когда из города уходит...»	63
«Если вдруг из орфозпов ...»	64
для Л.Н.	65
«Писатель, ровно обстрогав...»	66
внезапный приступ памяти	67
«соседке...»	69
ангел парамон	70
«дитя, досадуя, топтало...»	71
«ночами пожилой подросток...»	72
котовины	73
«розовое яблоко упало...»	74

«в неуказанной стране...»	75
«Нелепа и бессмысленна вода...»	76
«Эти убили его стори-билдера, его стори-теллера...»	77
для_b0c0u287_	78
«пассажиры, багажные звери и моряки...»	79
Ихтиомантия (гадание по рыбам)	80
«Придумали, что ручкой на листах бумажных...»	81
«Мыльным пивом юность выдохлась...»	82
«скажи, дядя саша, что же будет, скажи...»	83
«дядя, приглядиись, на шууданской марке...»	84
«Алёша выписал большую проститутку...»	85
«ненужные и нежные нетопыри...»	86
«неугомонный старик...»	87
«по люберецкому рынку...»	88
«Утро жмурится и курит...»	89
«Аня тянет жизни провод...»	90
«онегин — гений фильма тайной...»	91
«ну, зачем, зачем тебе она...»	92
«вдоль дороги навороченной...»	93
«Время даст лечебных штучек...»	94
«роет роет ветер дыры в стекловате...»	95
спорщица	96
Испанское	97
возраст	98
«приращения смысла...»	99
«Сгущалась осень...»	100

Михаил Квадратов

Тени брошенных вещей
Серия «Мантры нефритового кролика»

Редактор Константин Лебедев